

ШАПОВАЛ Ирина Анатольевна

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК АККУЛЬТУРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Девиантное поведение, традиционно трактовавшееся как неуспех социальной интеграции, в обществе глобализации и индивидуализации становится культурным контрпроектом реальных или мысленных преобразований взаимоотношений человека с обществом, осуществляющимся на фоне разочарования в социальных институтах традиционного общества и декларируемых ими порядках. Аккультурация в форме девиантного поведения предстает как закономерное следствие кризиса идентичности, программируемого неэффективностью традиционного социокультурального тренинга институционального поведения в семейной и образовательной системах развития личности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/9/38.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (87). С. 142-146. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 370.153

Психологические науки

Девиянтное поведение, традиционно трактовавшееся как неуспех социальной интеграции, в обществе глобализации и индивидуализации становится культурным контрпроектом реальных или мысленных преобразований взаимоотношений человека с обществом, осуществляющимся на фоне разочарования в социальных институтах традиционного общества и декларируемых ими порядках. Аккультурация в форме девиантного поведения предстает как закономерное следствие кризиса идентичности, программируемого неэффективностью традиционного социокультурального тренинга институционального поведения в семейной и образовательной системах развития личности.

Ключевые слова и фразы: девиантное поведение; аккультурация; социализация; идентификация; индивидуализация.

Шаповал Ирина Анатольевна, д. пед. н., профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
irinashapoval@yandex.ru

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК АККУЛЬТУРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ©

Эта молодежь растлена до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру.

Неизвестный житель Вавилона, около 3-х тысяч лет назад

Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек.

Египетский жрец, около 2-х тысяч лет до н.э.

Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна.

Гесиод, 720 г. до н.э.

В современном «обществе риска» на фоне глобализации, в силу ее космополитизма и интернационализма создающей основу для взаимозависимого мира, разворачивается процесс все большей индивидуализации, связанный с тем, что в условиях новых, неизвестных и неконтролируемых событий человек все больше разочаровывается в институтах гражданского общества и отстраняется от проблем власти. Поиск новой идентичности в этих условиях строится на конструировании собственных смыслов и ценностных ориентаций на основе своего опыта, реконструкции социальных и личных взаимоотношений, стиля и образа жизни. Девиантное поведение и маргинальность, традиционно трактовавшиеся как неуспех социальной интеграции, сегодня символизируют оппозицию и даже контрпроект общества, связанный с антропологизацией, поворотом к человеку и его экзистенциальным проблемам [8, с. 109].

Проблема девиантного поведения, как мы можем видеть даже из приведенных в начале статьи высказываний, возникла отнюдь не сегодня и не вчера, но продолжает будоражить и обыденное сознание, и интерес исследователей человека, общества и их взаимоотношений. Само существование девиаций поведения и их широкая распространенность бросают вызов отдельным просоциальным индивидам, социальным группам, цивилизации в целом. Образовательные, воспитательные, идеологические, религиозные институты остаются беспомощными и бессильными перед «инаковостью» в ее традиционных формах – деликты, суицид, гомицид, проституция, аддикции, – модернизирующихся в духе времени. «Дети больше похожи на свое время, чем на родителей» гласит персидская пословица. Девиантное поведение предстает как отражение эпох и народов, но не в «кривом» зеркале, а в определенном ракурсе. Диссонанс культур порождает феномен девиантности, институционализирует его и поддерживает как культурный феномен.

Ограничения культуры проблематичны: она постоянно формирует основания как просоциальных, так и контрсоциальных, «запрещенных» и нежизнеспособных отношений, вплоть до игнорирования социальных законов. Тем самым сама культура производит некоторые манипуляции социальными отношениями. Источники девиаций поведения кроются в принципиальном несовпадении и потому противоречии индивидуального и общественного: социум никогда не удовлетворяет потребностей индивида, а индивид – требований социума. Возможности, способности, характер, мировоззрение каждого человека, хотя и формируются под социальным влиянием, никогда не отвечают обращенным к нему требованиям социума [1, с. 197]. Неудовлетворение базовых социогенных потребностей формирует тенденции жизни как дефицитарной компенсации: несоответствие человека культурному эталону идентификации, принятому в конкретной интерактивной

системе общества [12], компенсируется в широком спектре девиаций поведения: агрессивном, самоповреждающем и саморазрушающем, гиперсоциальном, зависимом и беспомощном, некритичном.

Обращение к бинарной оппозиции «личность – общество» предполагает анализ способов личностного освоения и преобразования культурных форм социальной жизни и проблемы самоотчуждения личности. С позиций виктимологии девиант – жертва социальной некомпетентности, деформирующего влияния культурной среды, социальных воздействий. Приобретенные им физические, психические и социальные черты и признаки, предрасполагающие его к превращению в жертву, характеризуют его виктимность и виктимогенность. Междисциплинарный характер проблемы виктимности обуславливает разработку ее собственных индикаторов в ряде наук: в социологии это аномия; в культурологии – культурный шок; в психологии – стресс психологической аккультурации; в социальной психологии и социологии культуры – маргинализация; в психопатологии – анапсихоз; в педагогике – инфантилизм и т.д. В контексте виктимности личности девиантность возникает как механизмы реализации или компенсации виктимности личности и является следствием ее социально-психологической деформации, ведущей к утрате механизма интра- и интерсубъективной регуляции социального функционирования [9; 12].

Современные науки о человеке и обществе поставлены перед задачей выявления закономерностей развития и жизни изменяющегося человека в изменяющемся мире. Жизнь согласно традициям – жизнь в отсутствие выбора. Возможность выбора означает избавление от жесткой детерминации стиля жизни, возможность переидентификации личности и изменений ее субъективного опыта, то есть динамизма жизни. Анализ взаимодействий человека и культуры приводит к выводу: культура существует как культура конкретного субъекта и как процесс потенциально бесконечной интерпретации им своей освоенной и осваиваемой культуры: переосмысления всех ранее сложившихся смыслов. Любой из нас ежесекундно пытается приспособиться к постоянно изменяющимся условиям, средствам и целям, к своему личностному культурному богатству или нищете [2]. С другой стороны, мир культуры – интенционален: он выдуман, сконструирован людьми на основе тех или иных парадигм [15]. Человек и социокультурное окружение взаимно проникают друг в друга, и реальная или воображаемая деконструкция координат, определяющих картину мира человека (а для многих даже ее ожидание), означает коренное изменение иерархии ценностей, смыслов, нравственных ориентиров, то есть всего определяющего индивидуальность человека и, одновременно, его идентификацию с другими. Описанные процессы сводятся к феноменам аккультурации и декультурации.

В двух уровнях культуры – «социальном» с различного рода взаимодействиями и взаимозависимостями и «витальном» с независимыми формами социальной жизни – она предстает в виде «соляриса» (С. Бен-хабиб): здесь рождаются и сталкиваются между собой разнообразные фундаментальные дискурсы и практики [4]. Именно по отношению к ним человек идентифицируется и реализует себя как свободная личность, социальный индивид и субъект культуры в реальных процессах взаимодействия людей и общностей.

Своеобразные смысловые сети культуры задают параметры оценки событий, отношений, действий как «хороших» и «плохих» с определенными смыслами для определенных субъектов. Девиантное поведение традиционно трактуется как отклоняющееся от общепринятых социокультурных норм. В центре внимания оказываются нарушающие устои общества и тормозящие его развитие антидисциплинарные, антисоциальные, делинквентные и аутоагрессивные поступки. Согласно Росстату, за 2011 г. в России совершено преступлений: несовершеннолетними или при их соучастии – 71,9 тыс.; лицами, ранее совершавшими преступления, – 533,5 тыс.; в группе – 132,0 тыс.; в состоянии алкогольного и наркотического опьянения – 263,3 тыс. и 18,9 тыс. соответственно [11]. Для психологического анализа важно, что все эти формы поведения не только выражаются в действиях и поступках, но выступают специфическими способами изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью ценностного отношения к ним. Как правило, в их основе – внутриличностная деформация ценностных ориентаций, ценностно-нормативных представлений и системы личностной регуляции [9]. Отмечается формирование нового типа личности молодых людей 1980-90 гг. рождения, выросших в ситуации нравственной деградации общества. Характеристики такой личности: демонстративная грубость, наглость и агрессивность, «принципиальная беспринципность», презрение к общепринятым социальным нормам, в первую очередь к морали, ориентация на законы криминального мира, неуважение к старшим, публичное употребление нецензурной лексики, блатной жаргон и т.п. [14].

Анализ отклоняющегося поведения в контексте концепции психического развития Д. Б. Эльконина выявляет три ключевые проблемы развития: «искривление» линии деятельностного освоения социального опыта отношений и действий; недостаточная для данного возраста «обученность»; психическая неготовность к соответствующему возрастным нормам данного социума способу взаимодействия с окружающей действительностью. Другими словами, субъект отклоняющегося поведения попросту и не может вести себя иначе, как не соответствуя обращенным к нему ожиданиям социума, так как не располагает ни необходимым для этого объемом операционно-технических возможностей, ни достаточно углубленной ориентацией в задачах и нормах человеческих взаимоотношений [10]. Искажение психологических механизмов интерпретации развивающейся личностью действий всех, с кем она взаимодействует, определяется уже как интрактивная деформация [12].

Многообразие несоответствий между потребностью самоопределения личности и трудностью ее реализации, между жадной подлинного самовыражения и суррогатной практикой ее утоления порождает противоречия личности. Манифестация психокультурной деформации личности в последние десятилетия – массовая, но особенно яркие дебюты ее характерны для среды подростков: рост агрессивной делинквентности,

различных форм социальной девиации, жесткой агрессивности и деструкции межличностных отношений, аддиктивные формы поведения на фоне прогрессирующей экзистенциальной фрустрации и ноогенного невроза. Исследования показывают наличие в среде подростков 12-17-ти лет стресса аккультурации, связанного с утратой культуры детства и дефицитом культурных и психологических потенциалов, необходимых для овладения требованиями, предъявляемыми культурой взрослых [Там же].

Аккультурация как феномен смены культуры на личностном уровне выступает в виде психологических изменений индивида [6]. Аккультурация в контексте развития личности понимается как социализация, цель и содержание которой выражаются в субъективации: мере рефлексивных и активных компонентов самодетельности и саморегуляции поведения человека, результатом чего должно стать образование целостной системы внутренних и внешних отношений человека как открытой системы [7, с. 37]. При первичной социализации взрослые диктуют ребенку правила игры, никакой другой игры нет, и ребенок интернализирует их мир как единственно существующий и единственно мыслимый [5, с. 219]. Социализация подростка связана с целью радикальной трансформации субъективной реальности: осознание того, что мир родителей – не единственный из существующих и даже не лучший, может привести к кризису.

Любые – внутренние или внешние – перемены предполагают отказ от сложившейся реальности, от привычного, надежного и ограничивающего, антипатию к нему и его дискриминацию. Что происходит, когда человек выстрадал свой взгляд на мир, составил некую рабочую и, по всей видимости, полезную схему, и вдруг оказывается, что его схема неверна и должна быть почти полностью переделана? Трансформация реальности, включая идентичность, требует разрушения предшествующей субъективной реальности и предполагает сегрегацию, телесное и/или ментальное отделение индивида от «сожителей» по оставленному им миру. Старая реальность и группы и значимые другие, ранее бывшие ее посредниками для индивида, должны быть заново истолкованы [Там же, с. 255-259].

Процессы социализации/идентификации разворачиваются в ходе всей жизни, а необходимость аккультурации актуализируется в периоды возрастных кризисов в связи со сменой «задач развития». Изменения координат личной картины мира в процессах аккультурации происходят на разных уровнях: социокультурном, персонотенетическом, дезадаптационном, резко ограничивающем набор «степеней свободы» человека. Важно, что большинство изменений происходят в недоминирующей группе, и ряд характеристик, привносимых индивидами в аккультурационное поле, обуславливают два феномена. Во-первых, это поведенческие сдвиги – изменения в моделях поведения на фоне психологических изменений ценностей, аттитюдов, мотивов. Второй феномен – аккультурационный стресс, или культурный шок, в виде ряда стрессовых психологических эффектов, включающих в себя конфликт. Протяженность во времени обоих феноменов обуславливает хроническую (реактивную или пассивную) стрессированность личности, интенсифицирующую процессы аккультурации с помощью психологических защит и/или копинг-поведения.

В объективной многоликости современной культуры субъект аккультурации стремится как-то увязать «модель реальности» (то, что видит и интерпретирует) с «моделью для реальности» (тем, что должно быть согласно нормативным утверждениям), исходя из контекстов собственной жизнедеятельности [15]. Первая модель мотивирует адаптивное поведение, вторая поддерживает в человеке уверенность, что это поведение осмысленно в рамках мира, с которым приходится взаимодействовать. Однако кризис идентификации, характеризующий «общество риска», когда очень многие не могут соотнести себя с государством, этносом, религией, классом, социальной и профессиональной группой, поколением и т.п., разрушает привычный социальный мир на социальные фрагменты (субструктуры, объединения и пр.), мало связанные с окружающей средой и друг с другом, а часто и конфронтующие. Сегодня каждый обречен на тревогу доверия/недоверия [1; 3]: при этом доверие есть способ сосуществования с неопределенностью, с риском, а не способ избавиться от тревоги: в социальном мире с его неопределенностью и двусмысленностью не осталось ни неспособных ошибаться, ни достойных доверия авторитетов.

Сталкиваясь с необходимостью аккультурации, человек должен решить для себя: 1) является ли собственная идентичность ценностью для него, и нужно ли ее сохранять (хочу ли я приспособливаться?); 2) являются ли отношения с доминирующими группами ценными, и следует ли их налаживать. При психологических дефицитах развития (прежде всего эмоциональных) деформации индивидуальных интерпретаций социальных ролей – особенно в критических ситуациях жизни, в ситуациях выбора и фрустрации, затрагивающих, прежде всего, уровень притязаний и самооценку личности, – неизбежны. Отсюда объясним выбор из набора аккультурационных опций маргинализации асоциальной опции, сопровождающейся замешательством и стрессами, чувством отчуждения, спутанностью идентичности и аккультурационным стрессом [6]. Это выбор девиантных стратегий и их последствий [13]:

- патогенная и деструктивная аккультурация – поведение риска, социальная инфантильность, социофобия;
- агрессивно компенсирующее самоутверждение – высокая конфликтность в интеракциях, конфронтация в жизненно значимых сферах;
- искажения внутренней и внешней реальности – подавление чувства Я (апатия, психическая анемия) или чрезмерное его усиление и расширение (нарциссизм, эгоцентризм): перед внешним миром либо безмерно преклоняются, либо эксплуатируют его;
- стратегия бегства, растворяющая личность в той или иной страсти к «внешнему»: ненасыщаемое материальное потребление, фанатичное увлечение массовой культурой, приверженность культам, экстремистским идеям, алкоголю, наркотикам и т.д.;

• невротизация, подавляющая интеллект: безотчетная тревога, хроническая агрессивность, ощущение себя жертвой, подозрительность, чувство абсурдности существования, переживание внутренней расщепленности, насилие, саморазрушающее поведение.

Итак, стратегиями аккультурации могут быть приводящие к разным типам адаптации и к разным последствиям ассимиляция, реакции «ответного удара», отказ, сегрегация и др., но личностные изменения – часто единственная реальная альтернатива. Изменения и измена – однокоренные слова. Культура транслирует нам ценности и их иерархию, в первичной социализации мы инкорпорируем их, и в то же время развитие без предательства невозможно: чтобы расти, неизбежно приходится что-то терять, от чего-то отказываться. Отсюда изменяющий свои ценности и себя – предатель по отношению к себе, и не только к себе. Внутренняя проблема такого «предательства» осложняется вопросом *какое именно Я* предается в тот или иной момент жизни. Идентификация с расходящимися мирами во вторичной социализации (подросток предает своих сверстников, будучи «отличником», а своих родителей – угоном автомобиля с друзьями), каждое предательство сочетается с «предательством самого себя». Альтернатива – трансформация внешней и внутренней реальности – остается пожизненной угрозой для любой субъективной реальности, возникшей в результате конфликта расходящихся миров, каким бы ни был результат выбора [5, с. 274]. Более того, само осознание наличия альтернативных миров и идентичностей уже становится почвой для девиаций поведения, декультурации личности: разрушения у субъекта психологического механизма сознательной регуляции процессов социального функционирования на социоадаптивном, смысловом и экзистенциальном уровнях, приводящего к распаду его интерактивных связей с культурой, социальными группами и значимыми людьми [12].

Сама личность субъекта с девиантным поведением начинает характеризоваться большими или меньшими отклонениями в критериях нормальности:

• Высокая интенсивность переживаний неудовлетворенности социогенных потребностей может определять состояние социальной депривации.

• Хроническое переживание страха, опасений, тревожности, стрессы и различного рода фрустрации могут приводить к формированию неадекватной самооценки и нарушению идентичности, вплоть до деперсонализации.

• Нарушения внутриличностного и динамического равновесия между личностью и окружением сопровождаются лабильностью переживаний и неустойчивостью саморегуляции, ослаблением автономности, повышенной зависимостью от социального окружения.

• В результате включения защитных механизмов часто деформируется самопознание, эгоцентрически акцентируется самопереживание. Повышенная тревожность может приводить к формированию комплекса неполноценности или, наоборот, к сверхкомпенсации, а в силу нецелостности личности обе тенденции могут наблюдаться одновременно.

• Сниженная целостность личности, ослабленная автономность, недостаток самодоверия обуславливают высокую толерантность к фрустрации и низкую резистентность по отношению к стрессу.

Резюмируем сказанное.

Феномен девиантности является необходимым звеном культуры, с одной стороны очерчивающим негативную социальность, «запретные» действия и отношения, с другой – горизонты возможного в поисках идентичности и контриденности в неудовлетворяющем настоящем социального мира.

Аккультурация в форме девиантного поведения как процесс социализации/идентификации в современном мире все чаще осуществляется на фоне разочарования в социальных институтах и декларируемых ими порядках. В выборе между взаимозависимым социальным и независимым витальным уровнями культуры индивидуалистические ценности и практики отдают предпочтение второму. Таким образом, аккультурация девиантной личности предстает как следствие кризиса идентичности в виде субъективного контрпроекта реальных или мысленных преобразований взаимоотношений человека с обществом, оппозиционных традициям социального порядка. И кризис идентичности, и девиантность программируются неэффективностью традиционного социокультурального тренинга институционального поведения в семейной и образовательной системах развития личности в обществе, где неоспоримый приоритет социальных ценностей соучастия, интеграции и взаимозависимости сменяет индивидуалистическая ориентация на автономию, независимость, приватность, непринуждение. Деструктивные формы аккультурации/индивидуализации реализуются в агрессии, дискриминации, индифферентности, самообесценивании, обезличенности, аддикциях и т.д.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 224 с.
2. Ахизер А. С. Субъект общественного развития: динамика отношений между диалогизацией и монологизацией // Мир психологии. 2005. № 1. С. 41-51.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Бенхабиб С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2005. 350 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование личности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. Бери Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3-4. С. 183-193.
7. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2001. 560 с.

8. Квасова И. И. Социология культуры. М.: Изд-во РУДН, 2005. 182 с.
9. Клейберг Ю. А. Социальная психология девиантного поведения. М.: ТЦ «Сфера», 2004. 192 с.
10. Кондратьев М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер, 2005. 304 с.
11. Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.
12. Руденский Е. В. Психология ненормативного развития личности: виктимологические основания психологической теории дефицитарной патологии развития личности. Новосибирск: ГЦРО, 2000. 180 с.
13. Шаповал И. А. Девиантность личности как результат программирования и альтернации на жизненном пути // 1st International Scientific Conference "Science Progress in European Countries: New Concepts and Modern Solutions" (Stuttgart, Germany, March 28, 2013). Stuttgart, 2013. P. 151-152.
14. Юревич А. В. Антисоциальная социализация // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 233-250.
15. Shweder R. A. Thinking through Cultures. Cambridge (Mass.) – London (England): Harvard University Press, 1991.

DEVIANT BEHAVIOR AS PERSONALITY'S ACCULTURATION

Shapoval Irina Anatol'evna, Doctor in Pedagogy, Professor
Orenburg State Pedagogical University
irinashapoval@yandex.ru

Deviant behavior traditionally interpreted as a failure of social integration in the society of globalization and individualization becomes a cultural counterproposal of the real or mental transformations of relationship between a human and society, which develop against the background of disappointment in the social institutions of traditional society and orders declared by them. Acculturation in the form of deviant behavior appears as a natural consequence of identity crisis that is programmed by the inefficiency of the traditional socio-cultural training of institutional conduct in the family and educational systems of personality's development.

Key words and phrases: deviant behavior; acculturation; socialization; identification; individualization.

УДК 82

Филологические науки

В настоящее время значимость имен героев художественного произведения не подвергается сомнению, так как для более подробного разнопланового и многоаспектного анализа художественного текста исследователи все чаще обращаются к именам, которые являются лаконичными носителями глубинных смыслов произведения, реализующихся в контексте. В данной статье нами была совершена попытка рассмотреть значение использования имен, влияние имени героя на характер и целостность раскрытия образа в произведении малоизученного писателя XIX века Андрея Осиповича Новодворского.

Ключевые слова и фразы: поэтонимы; пародийность; сатирическая функция; эстетическая функция; собственные имена.

Шатунова Елена Михайловна

Божкова Галина Николаевна, к. филол. н., доцент

Казанский федеральный университет (Елабужский институт)

bozhkova.galina@mail.ru

ПОЭТИКА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ДНЕВНИКОВОЙ ПОВЕСТИ А. О. НОВОДВОРСКОГО «СУВЕНИР»©

В художественных текстах нет ничего случайного, неслучаен и выбор имени. Персонажи произведений художественной литературы свои имена, отчества и фамилии получают в зависимости от общего замысла и той функции, которой каждый из них наделен автором. «Имя центрального персонажа может определить все аспекты произведения», – писал выдающийся мыслитель XX века Б. Флоренский [9, с. 146].

Выбор имени авторами оригинально отражен в разные эпохи и во многом диктуется принципами того или иного литературного направления: в литературе русского классицизма широко использовались античные (и псевдоантичные) имена (Тирсис, Сильван, Критон); в эпоху сентиментализма допускались только благозвучные; романтики использовали непривычные для читателя, «экзотичные» имена (Зарема и Земфира); писатели-реалисты предпочитали *социально-знаковую функцию* имен.

Собственные имена в художественном произведении выполняют различные функции: *номинативную, идеологическую, характеризующую, эстетическую, символическую* [3, с. 132].

Номинативная функция обозначает персонажа, называет его. «Писатель неизбежно индивидуализирует их, а читатель закономерно идентифицирует художественный образ с тем или иным лицом» [5, с. 56].